

Записки графа Н. П. Игнатьева о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г. ¹⁾.

Въ августѣ 1864 года, графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, а впоследствии посломъ при Оттоманской Портѣ; занимая этотъ постъ, онъ своей осторожной и разумной политикой много способствовалъ возстановленію утраченнаго Россіей вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ настоящее время, въ Извѣстіяхъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ печатаются на французскомъ языкѣ чрезвычайно интересныя записки гр. Игнатьева, съ содержаніемъ которыхъ мы познакомимъ вслѣдъ за симъ читателей въ возможно полномъ изложеніи.

Въ этихъ запискахъ гр. Игнатьевъ даетъ обзоръ событій, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ представителя императорскаго правительства въ Константинополѣ съ 1864 по 1874 г. Въ запискахъ рельефно очерчена роль, которую играли въ этихъ событіяхъ прочія державы, въ особенности Франція, которая была долгое время нашимъ антагонистомъ на Востокѣ. Направленіе русской политики въ Восточномъ вопросѣ и роль, которую игралъ въ Константинополѣ такой видный представи-

¹⁾ Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874). Съ предисл. П. Д. Воейкова. Спб. 1014 г.

²⁾ Гр. Игнатьевъ оставилъ обширныя записки о своей дѣятельности на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ и въ Средней Азій. При жизни его были напечатаны, въ 1895 году, въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ „Отчетная Записка“ и „Матеріалъ къ его командировкѣ въ Пекинъ“, а за симъ въ 1897 г. — „О миссіи въ Бухару“. Изданные на правѣ рукописи, эти труды не получили распространенія.

тель нашей дипломатіи, какимъ былъ Н. П. Игнатъевъ, представляютъ для насъ несомнѣнно высокій интересъ, въ особенности въ настоящее время, когда балканскія государства привлекаютъ къ себѣ вниманіе всей Европы. „Опытъ прошлаго можетъ быть полезенъ для будущаго“, говоритъ авторъ записокъ, и это прошлое заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія.

Описывая первыя десять лѣтъ своего пребыванія въ Константинополѣ, гр. Игнатъевъ подраздѣляетъ это время на четыре отдѣльных періода; *первый* періодъ, съ 1864 до конца 1866 г., характеризуется авторомъ записокъ, какъ „эпоха преобладающаго вліянія западныхъ державъ“. „Мы“, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, „старались ослабить ихъ вліяніе, разрушить ихъ соглашеніе и сблизиться съ нашими единовѣрцами, поддерживая въ то же время добрыя отношенія съ Портой. Главнымъ вопросомъ, озабочивавшимъ въ то время дипломатію, былъ румынскій вопросъ, разрѣшенный на парижской конференціи“. *Второй* періодъ съ 1866—1869 г. Въ это время привлекалъ всеобщее вниманіе критскій вопросъ, который легко могъ вызвать на Востокѣ крупныя перемѣны; „отличительную черту этого періода составляетъ нравственная поддержка, оказанная Россіей христіанскимъ подданнымъ турецкой имперіи, и поощреніе національныхъ стремленій этихъ народностей; этотъ періодъ закончился деклараціей 1868 г.“. *Третій* періодъ съ 1869 по 1871 г. „Въ это время всѣ усилія Россіи клонились къ улучшенію участи нашихъ единовѣрцевъ мирнымъ путемъ и къ отмѣнѣ парижскаго трактата; этотъ періодъ закончился Лондонской конференціей и договоромъ 1871 года“. *Четвертый* періодъ съ 1871—1874 г. „Поддерживая въ это время прекрасныя отношенія къ Портѣ и поощряя развитіе христіанскихъ народностей и ихъ автономію, мы успѣли приобрѣсти значительное вліяніе на Турцію и готовились къ разрѣшенію задачъ, предстоявшихъ намъ въ будущемъ“.

„Въ моментъ моего пріѣзда въ Константинополь, пишетъ гр. Игнатъевъ, преобладающее вліяніе на Востокѣ имѣли Англія, Франція и Австрія—три державы, подписавшія парижскій договоръ 1856 г.; всѣ наиболѣе важныя вопросы рѣшались ими безъ участія Россіи. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о величайшемъ недовѣрїи, съ какимъ турецкіе министры относились тогда къ Россіи и къ ея единовѣрцамъ. Достаточно было, чтобы мы высказались въ какомъ-нибудь вопросѣ въ извѣстномъ смыслѣ, чтобы Порта пошла по діаметрально противуположному пути, даже въ ущербъ своимъ насущнымъ ин-

тересамъ, а представители западныхъ державъ, большею частью враждовавшіе между собою изъ-за личныхъ и принципіальныхъ вопросовъ, дѣйствовали единодушно всякій разъ, когда надобно было помѣшать нашему самостоятельному выступленію. Особеннымъ вліяніемъ въ Константинополь пользовался англійскій посланникъ сэръ Бульверъ, большой знатокъ Востока, имѣвшій большія связи въ турецкомъ обществѣ, но несмотря на это, „Франція, какъ держава, первенствовала въ Константинополь“, и все рѣшалось такъ, какъ она хотѣла. Австрійскій посланникъ, „вѣрный политическимъ традиціямъ своего правительства“, старался „лавировать и ловить рыбу въ мутной водѣ“. Прусскій посланникъ избѣгалъ самостоятельныхъ выступленій, но въ важныхъ вопросахъ присоединялся къ мнѣнію Англии; представитель Италіи былъ не болѣе, какъ орудіемъ французской политики. Одна Россія была совершенно изолирована, не встрѣчала ни въ комъ поддержки и не имѣла почти никакого вліянія на турокъ, ея одинокія выступленія въ пользу единовѣрцевъ и дипломатическіе акты, коими она обращала вниманіе державъ на жестокости турокъ и на необходимость притти на помощь христіанамъ, свидѣтельствовали только о ея безсиліи—и не могли произвести желательнаго впечатлѣнія на народы, которые „уважають только силу, которая можетъ имъ быть полезна, а отнюдь не платоническія симпатіи, хотя бы самыя искреннія“.

„Западные державы пользовались нашей неумѣлой политикой какъ нельзя лучше, доказывали христіанамъ, что мы были безсильны помочь имъ и въ то же время обращали вниманіе турокъ на наши попытки повредить имъ и на опасныя послѣдствія, которыя могъ имѣть нашъ образъ дѣйствій“. „Дѣлая изъ насъ пугало, Франціи удавалось безъ труда добиться всѣхъ необходимыхъ съ ея точки зрѣнія уступокъ, которыя она спѣшила заранѣе обѣщать отъ своего имени христіанамъ, а устроивъ какое-нибудь дѣло, она старалась внушить туркамъ, что она совместно съ Англіей и Австріей вывела ихъ изъ большого затрудненія и извлекла изъ нашихъ когтей“. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополь, гр. Игнатьевъ поставилъ себѣ нелегкую задачу: „вернуть постепенно утраченное нами исконное наше вліяніе на христіанскихъ подданныхъ султана и на государства, платившія дань Турціи, доказать туркамъ, что Россія была еще въ состояніи создать имъ серьезныя затрудненія, несмотря на покровительство, оказываемое имъ западными державами, и что слѣдовательно прямыя выгоды

Порты повелѣвали ей считаться съ нами и даже дѣйствовать съ нами заодно, разстроить союзъ трехъ державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, доказать, что этотъ союзъ былъ искусственный и что онъ возникъ только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ;—наконецъ побороть преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное Франціей со времени Крымской кампаніи, ослабить довѣріе Порты къ Австріи и въ особенности къ Англіи и завоевать снова мирнымъ путемъ подобающее намъ положеніе на Востокѣ“.

Такова была намѣченная русскимъ посломъ задача, къ осуществленію которой онъ шелъ неуклонно.

Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ умы дипломатовъ въ то время когда гр. Игнатъевъ былъ назначенъ въ Константинополь, самымъ животрепещущимъ былъ румынскій вопросъ. Лѣтомъ 1864 г., еще до пріѣзда гр. Игнатъева, въ Константинополь прібылъ князь Куза для обсужденія вопросовъ чрезвычайной важности для Соединенныхъ Княжествъ, которые касались измѣненій въ ихъ конституціи, введенныхъ господаремъ послѣ сліянія Молдавіи и Валахіи въ одно княжество подъ его властью и санкціи Порты и державъ на совершенный имъ переворотъ.

Во время своего довольно продолжительнаго пребыванія въ столицѣ Турціи онъ „держался очень далеко отъ русскаго посольства и даже не отдалъ простого визита вѣжливости нашему представителю Новикову, который въ силу этого не могъ принимать участія въ переговорахъ, ради которыхъ кн. Куза пріѣхалъ въ Константинополь“. Представитель Россіи высказался рѣшительно противъ домогательствъ господаря и совершенныхъ имъ незаконныхъ поступковъ (между прочимъ отобранія монастырскихъ имуществъ, находившихся подъ защитой державъ) и настаивалъ на томъ, чтобы державы выразили князю коллективно свое порицаніе, но благодаря поддержкѣ французскаго посланника кн. Куза добился всего, что онъ хотѣлъ. Такой результатъ не могъ, разумѣется, побудить Кузу искать благосклонности Россіи, бывшей нѣкогда вершительницей судьбы Румыніи. „Никогда еще, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, дерзость нашихъ противниковъ не проявлялась въ Константинополѣ такъ явно, и никогда еще они не достигали такого успѣха, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія“. Это должно было, конечно, навести турокъ и нашихъ единовѣрцевъ на невыгодныя для насъ размышленія.

Гр. Игнатъевъ задался цѣлью въ корнѣ измѣнить наши отношенія къ Румыніи. Убѣдившись въ томъ, что кн. Куза

былъ „подобострастнымъ орудіемъ“ въ рукахъ Тюильерійскаго кабинета и что „девизомъ его политики было враждебное отношеніе къ Россіи и къ православію“, русскій посланникъ не сомнѣвался въ томъ, что добрыя отношенія къ Румыніи не могутъ быть возстановлены до тѣхъ поръ, пока князь будетъ у власти.

„Я постарался, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, разоблачить некорректное поведеніе князя Кузы, нарушеніе имъ международныхъ постановленій, его пренебреженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ. Я доказывалъ моимъ коллегамъ и въ особенности турецкимъ министрамъ, какъ опасно было неосторожное, революціонное поведеніе господаря и что необходимо было возстановить достоинство державъ, на которое оно посягало! Особенное значеніе имѣли два вопроса, возбужденные кн. Кузой по совѣту Франціи и вопреки совѣтамъ русскихъ дипломатовъ; а именно объ организаціи Молдаво-Валахской церкви и о монастырскихъ имуществвахъ, конфискованныхъ въ пользу государства по приказанію князя.

„Издавъ 28 мая 1864 г. законъ о назначеніи епископовъ господарь хотѣлъ этимъ подчинить церковь свѣтской власти, совершенно отдѣлать ее отъ Константинопольской патріархіи“, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить главный консервативный элементъ въ странѣ, возстававшій противъ его новшествъ, „полагая, что ослабивъ узлы, соединявшіе Румынію съ другими православными державами, онъ могъ освободиться отъ зависимости отъ восточныхъ патріарховъ и отъ російскаго и греческаго синодовъ“.

При рѣшеніи другого не менѣе важнаго вопроса о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ, „опять таки хотѣли обойтись безъ участія русскаго правительства; Франція открыто держала сторону кн. Кузы; Англія же и Австрія дѣлали видъ, будто онѣ защищаютъ православное духовенство, рассчитывая устранить этимъ наше вмѣшательство“. „Духовенство не понимало, что надъ нимъ издѣвались... даже самъ Кирилль, патріархъ іерусалимскій, всегда преданный Россіи, попался въ сѣти, разставленныя ему англійскимъ посланникомъ, и тайно посѣщалъ его въ уединенномъ замкѣ на о. Плати, гдѣ жилъ сэръ Бульверъ, и обсуждалъ съ нимъ вопросъ о томъ, какъ дѣйствовать дальше въ виду поступковъ кн. Кузы. Русскому посольству даже не сообщали рѣшеній, принятыхъ на этихъ совѣщаніяхъ“.

Хотя гр. Игнатъеву, обратившему съ самаго начала серьезное вниманіе на церковный вопросъ въ Румыніи, пришлось

затѣмъ отказаться отъ дѣятельной поддержки православнаго духовенства въ его законныхъ требованіяхъ, вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ отъѣзда сэра Бульвера изъ Константинополя и новыхъ инструкцій, полученныхъ австрійскимъ посланникомъ, и его попытка вернуть церкви имущества, находившіяся уже нѣсколько лѣтъ въ рукахъ молдавскаго правительства, не увѣнчалась успѣхомъ, однако его энергичное выступленіе въ этомъ дѣлѣ не прошло безслѣдно и имѣло большое моральное значеніе: „кн. Куза, говоритъ гр. Игнатъевъ, убѣдился въ томъ, что покровительства Франціи было недостаточно для того, чтобы санкціонировать всѣ незаконные шаги его правительства; а турки убѣдились въ томъ, что достаточно было нашего противодѣйствія, чтобы разстроить всю затѣянную кампанію; въ то же время греческое духовенство увидѣло, что мы были готовы поддержать его, но что наши старанія парализовались равнодушіемъ или враждебностью тѣхъ самыхъ державъ, на которыхъ оно вначалѣ рассчитывало“.

„Изъ всего этого вытекаетъ одинъ безспорный фактъ“—а именно, что несмотря на продолжавшееся еще вліяніе Франціи на Турцію, „наше законное вліяніе въ Константинополѣ начало возрастать“.

Вниманіе Порты и представителей державъ было вскорѣ отвлечено вопросомъ несравненно болѣе важнымъ: 23 февраля 1866 г. въ Румыніи произошелъ государственный переворотъ.

Видя неудачу своихъ послѣднихъ мѣропріятій, противъ которыхъ возсталъ представитель Россіи, кн. Куза чувствовалъ, что паденіе его было близко. „Сдѣлавъ видъ, что онъ понялъ свою ошибку, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, князь попытался сблизиться съ императорскимъ посольствомъ и написалъ мнѣ письмо, говоря, что мы ошибаемся на счетъ его намѣреній, что онъ ничего такъ не желалъ, какъ придти къ соглашенію съ Россіей, и готовъ былъ слѣдовать нашимъ совѣтамъ. Зная, насколько можно было довѣрять искренности его словъ, и предвидя, что онъ не долго удержится на престолѣ, я не считалъ нужнымъ отвѣтить ему и просилъ князя Кантакузена, пріѣхавшаго ко мнѣ, чтобы словесно подтвердить все сказанное кн. Кузою въ его письмѣ, выразить князю мое удивленіе по поводу того, что онъ не оцѣнилъ раньше пользу сближенія съ Россіей, и дать ему понять, что мы могли измѣнить наше отношеніе къ нему лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ далъ намъ осязательныя доказательства своего искренняго раскаянія; а пока мы будемъ держать себя такъ же осто-

рожно какъ прежде, и не окажемъ ему ни малѣйшей поддержки“.

Событія шли своимъ чередомъ. 23 февраля 1866 г. кн. Куза былъ вынужденъ отречься отъ престола и тайно уѣхалъ изъ Бухареста. Въ связи съ этимъ возникалъ вопросъ объ избраніи иностраннаго принца и о томъ, измѣнится ли положеніе Соединенныхъ Княжествъ, единство которыхъ было признано въ 1861 г. султанскимъ фирманомъ только на время правленія кн. Кузы и притомъ безъ согласія державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ.

„25 (18) февраля Аали-паша пригласилъ на совѣщаніе представителей державъ, подписавшихъ парижскій договоръ, и предложилъ имъ отмѣнить вотумъ объ избраніи иностраннаго принца, избрать отдѣльныхъ господарей въ Бухарестъ и въ Яссъ и послать въ княжества турецкаго комиссара, въ сопровожденіи делегатовъ отъ державъ“.

Послѣ долгихъ преній, во время которыхъ генералъ Игнатъевъ указалъ на „необходимость строго держаться договоровъ и указать румынамъ, что они должны итти по пути благоразумія, не вступая на революціонный путь“, — послами было совмѣстно выработано содержаніе торжественныхъ телеграммъ, которыя были посланы на слѣдующій день представителями державъ генеральнымъ консуламъ въ Бухарестъ, съ настоятельнымъ требованіемъ соблюдать законъ. „Австрійскій интернунцій довольно рѣшительно поддерживалъ на этомъ засѣданіи русскаго посла къ величайшему неудовольствію французскаго посланника, который не могъ скрыть своей досады по поводу активнаго вмѣшательства въ этотъ вопросъ Россіи и спросилъ Н. П. Игнатъева, съ которыхъ поръ императорскій посланникъ въ Константинополѣ „сталъ защитникомъ полумѣсяца“, на что генералъ отвѣтилъ, что „мы стоимъ неизмѣнно на почвѣ трактовъ и удивляемся, не встрѣчая на этомъ пути прочихъ державъ“.

Маркизъ Мустье, „видя себя связаннымъ своимъ согласіемъ дѣйствовать коллективно, подалъ своему правительству мысль перенести засѣданія конференціи въ Парижъ“, на что послѣдовало единодушное согласіе державъ и такимъ образомъ, говоритъ гр. Игнатъевъ, „переговоры вышли изъ моей компетенціи, и мнѣ пришлось ограничиться одними совѣтами Портъ въ смыслѣ нашихъ взглядовъ“.

„Конференція открылась въ Парижѣ 10 марта подъ председательствомъ Друэнъ де Люиса. Переговоры велись съ такой

медлительностью, объяснить которую нельзя было иначе, какъ совокупной игрой Франціи и руководителей молдаво-валаховъ, какъ вдругъ 20 апрѣля на румынскій престолъ былъ избранъ принцъ Карлъ Гогенцоллерскій“.

Какъ только стали извѣстны результаты плебисцита, турецкій уполномоченный выступилъ на парижской конференціи съ протестомъ и заявилъ, что „военная оккупация княжества является въ глазахъ его правительства единственной цѣлесообразной мѣрой, для возстановленія въ княжествѣ порядка и спокойствія“.

„Слѣдуя указаніямъ императорскаго кабинета, я старался“, пишетъ гр. Игнатъевъ, поддержать турецкое правительство на пути, который оно избрало по своей собственной инициативѣ, рѣшивъ однако предотвратить кровопролитіе, какъ только сраженіе между турками и молдаво-валахами станетъ неизбежнымъ.

„Но рѣшимость Порты ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ положеніе осложнялось. Она не рѣшалась итти противъ Франціи, не имѣя на своей сторонѣ Англій и не рассчитывая на серьезную поддержку со стороны Россіи. Но Англія дѣйствовала въ то время въ Румыніи въ полномъ согласіи съ Франціей, а что касается насъ, то въ рѣшительный моментъ Порты увидѣла, что на нашу поддержку ей рассчитывать нельзя. Образъ дѣйствій, которому мнѣ предписано было слѣдовать въ Константинополѣ, оказался въ полномъ противорѣчій съ заявленіями, сдѣланными нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, который въ засѣданіи 25 мая горячо высказался противъ проекта Порты, поддержавъ точку зрѣнія французскаго правительства“. Турецкій посланникъ, получившій приказаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ нашимъ уполномоченнымъ, былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и усомнился въ нашей искренности. Въ нѣдрахъ конференціи произошелъ полный разладъ и ей не удалось притти ни къ какому рѣшенію относительно цѣлесообразности понудительныхъ мѣръ для возстановленія въ Румыніи законнаго порядка. Принцъ Карлъ воспользовался этимъ, отправился немедленно въ Румынію, совершилъ 23 мая торжественный въѣздъ въ Бухарестъ и принялъ бразды правленія. Члены конференціи разѣхались въ первыхъ числахъ іюня по предложенію нашего уполномоченнаго, которому предложено было заявить, что по мнѣнію императорскаго кабинета „европейская конференція, которая принимаетъ извѣстныя рѣшенія и затѣмъ сама же допускаетъ ихъ нарушеніе, не при-

носить никакой практической пользы, между тѣмъ какъ безплодность ея совѣщаній наноситъ серьезный ущербъ коллективному авторитету Европы и достоинству входящихъ въ ея составъ державъ“.

Порта со своей стороны не рѣшилась „бросить вызовъ Европѣ“, введя свои войска въ Румынію, и подчинилась давленію Франціи и Англии; на рѣшеніе Турціи повліяла также въ значительной степени начавшаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ Австро-Прусская война, въ которой приняла участіе Италія; „занявъ выжидательное положеніе“, турки пропустили благоприятный моментъ для оккупациі княжества тотчасъ по вступленіи принца Карла въ Румынію. Какъ только въ Константинополѣ сталъ извѣстенъ исходъ Кениггрецкаго сраженія и окончательная побѣда прусской арміи, Аали-паша рѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ вопросомъ о княжествахъ. Онъ считалъ опаснымъ задѣтъ принца изъ дома Гогенцоллерновъ и боялся, какъ бы послѣдствія Австро-Прусской войны не измѣнили взгляда державъ на Восточный вопросъ, и поэтому хотѣлъ прежде всего отнять у Европы предлогъ требовать у Турціи компенсацій за жертвы, понесенныя въ иномъ мѣстѣ. Извѣстіе объ уступкѣ Венеціи Наполеону III произвело удручающее впечатлѣніе на Порту. „Попросите князя Горчакова, сказалъ Аали-паша генералу Игнатьеву, не винить насъ болѣе за то, что мы подчиняемся вліянію Франціи; и болѣе могущественныя державы, нежели мы, преклоняются передъ ея волей“.

„Въ виду новаго оборота, наступившаго въ Румынскомъ вопросѣ, намъ необходимо было нѣсколько измѣнить нашъ образъ дѣйствій. Коль скоро Порта готова была признать совершившійся фактъ, намъ неудобно уже было настаивать на восстановленіи въ княжествахъ порядка вещей, созданнаго парижскимъ договоромъ. „Руководствуясь инструкціями, полученными изъ министерства, Н. П. Игнатьевъ заявилъ Аали-паша въ исходѣ іюня, что „императорскій кабинетъ предоставляетъ турецкому правительству дѣйствовать по своему усмотрѣнію“.

Разумѣется, говорилось въ инструкціяхъ, полученныхъ нашимъ посломъ, „враждебное поведеніе румынскаго правительства по отношенію къ намъ и къ православной церкви дастъ намъ право лишить его благожелательнаго покровительства, которое мы постоянно ему оказывали. Однако, императоръ не возлагаетъ на населеніе Молдавіи и Валахіи ответственности за ошибки свергнутаго ими правительства. Кромѣ того мы не должны забывать, что тутъ дѣло идетъ о принципѣ, касаю-

щемся всей совокупности христіанскаго населенія Востока, къ которому мы, согласно исконнымъ нашимъ традиціямъ, относились всегда сочувственно“.

„Во все время пребыванія принца Карла въ Константинополь я держалъ себя въ отношеніи къ нему весьма осторожно“, пишетъ П. Н. Игнатъевъ, „не выказывая ему впрочемъ ни малѣйшей враждебности“, а „принцъ Карлъ выказывалъ желаніе сблизиться съ императорскимъ посольствомъ. Онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ, который я отдалъ ему на другой же день частнымъ образомъ. Я далъ понять его высочеству“, „что мы признаемъ переворотъ, совершившійся въ Румыніи, лишь послѣ полученія имъ фирмана инвеституры, что наше дальнѣйшее поведеніе будетъ зависѣть отъ того, насколько онъ будетъ считаться съ нашими интересами, и что отъ него зависитъ дать намъ въ этомъ доказательство, порвавъ всякую связь съ лицами, принадлежащими къ красной партіи, урегулировавъ церковныя дѣла и т. д... Его Высочество признавалъ вину молдаво-валаховъ по отношенію къ Россіи, но винилъ во всемъ правительство кн. Кузы и давленіе со стороны Франціи. Онъ обѣщалъ держаться въ будущемъ консервативной политики и сблизиться съ Россіей“.

По мнѣнію Н. П. Игнатъева преобладающее вліяніе, которое Франція приобрѣла въ дѣлѣ соединенныхъ княжествъ со времени заключенія парижскаго договора, можетъ быть объяснено главнымъ образомъ тѣмъ, что во время переговоровъ, происходившихъ въ Константинополѣ, только одна эта держава имѣла опредѣленный планъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій программѣ ея политики, и преслѣдовала свои цѣли съ удивительной стойкостью и настойчивостью.

Наполеонъ III имѣлъ на Румынію особые виды: „увидавъ, что ему не удастся осуществить свой планъ относительно возстановленія Польши, онъ видимо задумалъ осуществить подобный же планъ, продиктованный враждебными чувствами къ намъ, на берегахъ Дунай, создавъ тамъ государство, которое находилось бы всецѣло подъ вліяніемъ Франціи и „на которое она могла бы опираться въ случаѣ осложненій на Востокѣ“.

Его представитель доказывалъ турецкому правительству, что „прочно организованное государство на нижнемъ теченіи Дуная могло бы быть единственной гарантіей для Порты противъ захватовъ Россіи и служило бы ему надежнымъ оплотомъ противъ этой державы“. Туркамъ, конечно, слѣдовало бы понять, что страна съ нѣсколькими милліонами жителей не могла быть защи-

той противъ Россіи и что самымъ надежнымъ оплотомъ для Турціи могли быть добрососѣдскія отношенія съ могущественной Россіей“.

„Самой характерной чертой того времени, говоритъ Н. П. Игнатъевъ, была враждебность, которую проявляла къ намъ Франція въ вопросѣ о Соединенныхъ Княжествахъ“, въ то время какъ „Тюильерійскій кабинетъ горячо настаивалъ на общности нашихъ интересовъ на Востокѣ, а мы, съ своей стороны, искренно желали дѣйствовать заодно съ нимъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ“.

Антагонизмъ между Франціей и Россіей проявился и въ вопросахъ, касавшихся Сербіи, къ которой „Франція относилась враждебно потому, что мы ей сочувствовали; желая видѣть въ Бухарестѣ независимаго владѣтеля, она хотѣла въ то же время сохранить для Турціи въ Бѣлградѣ почтительнаго васала“; и дѣйствовала согласно съ видами Порты, которая мирилась съ мыслию о стремленіи румынъ къ независимости, но тревожилась при всякой попыткѣ въ этомъ отношеніи со стороны сербовъ, на которыхъ она смотрѣла какъ на вождей славянства.

Нѣкоторыя другія державы дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ Франція: Австрія, въ особенности, относилась къ сербамъ крайне враждебно, „о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ при всякомъ осложненіи въ сербскомъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ оказывалъ большое вліяніе на рѣшенія Порты“. „Мы одни искренно и открыто принимали сторону сербовъ, но наше вмѣшательство парализовалось съ одной стороны недовѣріемъ Порты, а съ другой стороны той изолированностью, на какую насъ обрекало недоброжелательство прочихъ державъ“. Поэтому при безконечныхъ спорахъ, возникавшихъ между Портой и сербскимъ правительствомъ, русскому посланнику приходилось дѣйствовать крайне осторожно.

Таково же приблизительно было положеніе и въ вопросахъ, касавшихся Черногоріи; особенно въ важномъ для нея вопросѣ о разграниченіи съ Турціей. „Я доказывалъ, пишетъ П. Н. Игнатъевъ, что этотъ вопросъ требовалъ скорѣйшаго рѣшенія, и что чѣмъ больше черногорцы получаютъ земли, въ которой они чрезвычайно нуждались, тѣмъ лучше будетъ обезпеченъ миръ. Къ сожалѣнію, дѣйствуя одиноко, мы не могли достигнуть многого. Англія и Франція мѣшали осуществленію нашихъ плановъ“. Пруссія и Италія относились къ нимъ равнодушно. Франція по обыкновенію не подерживала насъ въ на-

шихъ домогательствахъ, и хотя она втайнѣ убаюкивала черногорцевъ обѣщаніями и даже какъ будто поддерживала иногда ихъ домогательства, но это дѣлалось въ сущности, какъ замѣчаетъ нашъ посланникъ, „не изъ доброжелательства къ Черногоріи, а единственно съ цѣлью парализовать наше вліяніе“.

Что касается насъ, то мы руководствовались въ нашей политикѣ на Востокѣ исконнымъ нашимъ сочувствіемъ къ единовѣрцамъ и нашими обязанностями по отношенію къ нимъ. Къ сожалѣнію, послѣ войны 1854—55 г.г. отъ насъ успѣли отдалить грековъ, а мы не сумѣли внушить довѣрія славянамъ, и первое время по пріѣздѣ моемъ въ Константинополь политическое положеніе не благопріятствовало возстановленію нашихъ прежнихъ съ ними отношеній“.

Императорская Франція являлась вездѣ, гдѣ это только соотвѣтствовало ея интересамъ, защитницей принципа національности,—такъ было въ Италіи, въ Польшѣ, въ Румыніи, но она не хотѣла оказать поддержку славянскимъ народамъ, населявшимъ Турцію.

„Націоналистическая теорія“, говорилъ французскій посланникъ Н. П. Игнатьеву, „не должна пониматься безъ ограниченій. Есть національность и національность. Не всякая нація можетъ претендовать на самостоятельное существованіе. Право на него даетъ роль, которую народъ игралъ въ исторіи, его происхожденіе, сила, единеніе. Христіанскія народности Турціи не отвѣчаютъ всѣмъ этимъ условіямъ. Онѣ безсильны, онѣ дошли до упадка, онѣ не имѣютъ блестящихъ традицій въ прошломъ, онѣ не имѣютъ нравственной связи въ настоящемъ“.

„Короче сказать, Франція хотѣла видѣть въ славянахъ рабски преданныхъ Турціи подданныхъ, готовыхъ отказаться отъ національной и религіозной самобытности, съ космополитическимъ правительствомъ, которое въ политическомъ, финансовомъ и промышленномъ отношеніи зависѣло бы отъ Франціи. Очевидно, Россія не могла идти съ нею по этому пути.“

Къ сожалѣнію, связь, существовавшая нѣкогда между православными народностями Турціи, въ то время почти исчезла. Въ моментъ пріѣзда въ Константинополь графа Игнатьева религіозныя распри между греками и болгарами достигли высшей степени, и всѣ попытки императорскаго посольства установить между ними примиреніе были заранѣе обречены на неудачу. Эти распри давали широкій просторъ католической и протестантской пропагандѣ, которая коснулась не только грековъ, но и армянъ.

Говоря объ этой пропагандѣ, П. Н. Игнатъевъ упоминаетъ объ одномъ любопытномъ документѣ, который держался долгое время въ величайшей тайнѣ. Это былъ протоколъ, составленный въ 1860 году подъ покровительствомъ французскаго посольства въ Церѣ и подписанный Даудъ-пашей и преосв. Азаріаномъ, двумя въ то время самыми вліятельными лицами среди армянъ-католиковъ.

Онъ заключалъ цѣлую программу дѣйствій, клонившуюся къ сліянію всѣхъ армянъ-католиковъ и грегорианъ подъ протекторатомъ Франціи, которая, въ случаѣ паденія Оттоманской Имперіи, могла бы *противопоставить ихъ славянамъ и грекамъ*—предполагаемымъ представителямъ русскаго вліянія на Востокѣ. Въ этомъ странномъ актѣ излагалась не только цѣль, которая имъ преслѣдовалась, но и всѣ подробности дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя могли способствовать достиженію этой цѣли. Этотъ протоколъ, какъ говоритъ гр. Игнатъевъ, даетъ ключъ ко всѣмъ интригамъ, объектомъ которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ были армяне.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Тимошукъ.

